

Эллен Стар

Мой
тайный
враг

МОСКВА

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
С77

Редактор серии *Алина Литвинова*
Оформление серии *Евгении Лукомской*
Иллюстрация на переплете *Miorin*
Внутренние иллюстрации *Анастасии Акируш*

Стар, Эллен.

С77 Мой тайный враг : роман / Эллен Стар. — Москва : Эксмо, 2026. — 416 с.

ISBN 978-5-04-231711-8

Ася.

Мы сделали все, чтобы стать друг другу чужими. Теперь каждый день — очередная попытка доказать, что врозь нам будет лучше. Я учусь жить без чувства вины, стараюсь наладить отношения с семьей... но все равно не могу перестать думать о Диме. И о Демьяне, рядом с которым, как оказалось, забыть лучшего друга еще труднее.

Дима.

Быть Демьяном проще, чем быть собой. Играя эту роль, я могу оставаться рядом с Асей, хотя кажется, что прятаться больше невозможно. Я боюсь одного: не отвернется ли она окончательно, когда узнает, кто скрывается под маской. Или все-таки выберет настоящего меня?

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-231711-8

© Стар Э., текст, 2026
© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2026

Плейлист

привет. — навздохе
Падай-поймаю — ORXAN
Обнять и держать — Глеб Петров
Сериал — Сова
Нравишься — NILME, Женя Петров
Попрошу тебя — MONA
потанцуй со мной — тима ищет свет
пластинки — Дурной Вкус
То что во мне — Куртка Бейна
На повторе — Вишневый Закат
Может быть — дмитревна
Выжигай — Рэки
поцелуй-пистолеты — baur karbon
на разных полюсах — yuratravis
сколько дней — NotBerry
Просто заткнись — рибс
Без тебя — Rozhden
Я знаю ты вернешься летом — rassmurny

Глава 1

Падение с высоты

Кончики пальцев жгло от холода. Мурашки танцевали на коже, а с потрескавшихся губ срывались облачка невесомого пара. Корсет сдавливал ребра, длинная многослойная юбка путалась в ногах.

Ася вглядывалась в экран разряжающегося мобильного. Сердце кувалдой било в грудь, казалось, до хруста ребер. Оставалось меньше пяти минут до официальной части мероприятия в «Белом лотосе», а она все еще не могла выбраться.

Угроздило же ее спрятаться от девочек из танцевального коллектива в морозильной камере! Все вышло совершенно случайно — она как раз возвращалась из туалета, где пыталась ледяной водой смыть со своей души тревогу перед предстоящим выступлением. И услышала разговор двух девочек, которые сплетничали о ней. Ася успела узнать о себе столько нового, пока на деревянных ногах, с несгибаемой, как ржавый прут, спиной и гордо поднятым подбородком шла им навстречу. А потом, стуча каблуками по мраморным ступеням, вниз, дальше от сплетен, противного смеха и унижений, спустилась по лестнице. И со сжавшимся в комок сердцем выдохнула. Но ненадолго.

Услышав шаги, гулким эхом разносившиеся по темному коридору, она рванула к ближайшей двери так, словно за ней гналась стая собак. В груди все горело, в легких не хватало воздуха, голова кружилась. В глазах билось: «Спасите!»

И вот она — ручка двери, что решит все проблемы. Пальцы сомкнулись на ней, дернули. Сильнее. Паника стучала в висках, подгоняя, жалила кожу. Шаги приближались. Ее плечо вдавилось в дверь, и та со скрипом поддалась, впуская Асю в ледяные объятия помещения. Под ногами хрустнула ледяная крошка льда, в нос ударил запах замороженной рыбы. Дверь за ее спиной благосклонно захлопнулась, будто согласившись помочь ей отгородиться от общества добровольно-принудительным путем.

Так Ася и оказалась заперта на морозильном складе в окружении ящиков с морепродуктами и парящей в звенящем воздухе ледяной пыли. Из маленького круглого окна где-то высоко-высоко, у самого потолка, пробивался тусклый свет фонаря. О том, чтобы через него пролезть, и думать было нечего. Не с ее гномьим ростом и грацией подбитого лебедя, это точно. Она, скорее всего, пока будет карабкаться по ящикам, как несостоявшаяся женщина-кошка, где-то еще застрянет. Или ящик проломится, и она окажется внутри в обнимку с мертвой рыбой. *Бр-р!*

Связи здесь тоже не было. Низкая температура словно все ставила на паузу. Ледяной воздух обжигал кожу.

Могу я хоть раз войти куда-то нормально и не застрять!

Закрытая дверь казалась с каждым вдохом все ближе, стены сжимались, лишая легкие воздуха. Ася ненавидела замкнутые пространства. Быть запертой. Она сразу казалась себе маленькой, беспомощной, а мир — огромным и злым. Мир, который мог схлопнуться в любой момент,

МОЙ ТАЙНЫЙ ВРАГ

оставив после себя лишь пустоту, четыре стены и одиночество, что будет драть когтями изнутри. И не будет этому конца.

Ася старалась не поддаваться тихому голосу в голове, упрашивающему ее лечь на пол, свернуться в позе эмбриона и больше ничего не делать. Сколько часов в детстве она, плача, провела в этом положении на ковре в своей спальне, не пересчитать. И всего несколько из них — когда удушающая темнота озарялась светом. Она дрожала, сыпалась на нее осколками разбившегося стекла, а затем в оконном проеме появлялась смущенная улыбка Димы, пробирающегося к ней в комнату. Немного виноватая, неловкая и совершенно очаровательная. Он точно извинялся безмолвно: *«Извини, я разбил твоё окно и устроил беспорядок. Я уберу, честно»*.

И хоть номер наполнялся лишь слабым лунным свечением, пока Дима с невозмутимым, важным видом, от которого хотелось хихикать, пытался перекинуть ногу, для Аси все вокруг горело золотом. Словно они перенеслись на детский праздник. А потом он обнимал ее так, что дыхание замирало на губах, что хотелось кричать от избытка чувств. И у Аси наконец получалось сделать вдох.

Только Дима больше не станет вытягивать ее из темноты. Ася все разрушила. Горечь подступила к горлу, в глазах заплескалась боль. Мальчишка, что склеивал ее трещины, дул на каждую ее ранку, смеялся с ней в самые грустные дни, — исчез. Остался только его образ, дрожащий в воспоминаниях летним знойным солнцем, обжигающим озябшую после ледяной морской воды кожу. Ася не любила солнце, но, оставшись без него, готова была стореть в его жаре, лишь бы вновь ощутить *его* прикосновения.

Какая ирония.

Правда, несколько минут спустя эта мысль испарилась из ее сознания. Развевалась прахом.

Дверь открылась так внезапно, что из горла Аси невольно вырвался крик, разбившийся о застывший воздух. И она тоже застыла, подобно статуе в музее. С замороженной рыбой — и соседом по несчастью — в руках, которую схватила с обреченно брошенной фразой: «Йорик, только ты у меня остался».

В дверях показался спаситель. Вероятно, у него был радар на запертые двери, которые он всегда так эффектно распахивал, что обычно летела пыль, щепки и сердце Аси — прямо в пропасть. *Нет, правда. Это его тайная работа? Ему за нее доплачивали?* Или же вселенной просто нравилось ставить ее в самые неловкие положения перед ним.

Дима Котов.

Кто же еще! Ну хоть кто-то другой, серьезно.

Но нет, он не собирался так просто уходить с поста ее персонального солнца. И дать Асе хотя бы крохотную передышку от чувств, звенящих внутри подобно битым стеклам.

Дима замер, изумленно вскинув брови. Ящик, который он прижимал к груди руками в рабочих грязных перчатках, с грохотом упал ему под ноги. Асю оглушило. Сердце провалилось в пятки. Дима же, взыв, выругался и схватился за ногу, принявшись прыгать на другой, часто моргая. Похоже, ее придавило. Ася с волнением наблюдала за ним, раздумывая: лучше спрятаться или же для надежности притвориться трупом?

— Простите, — хрипло выдохнул Дима, насмешливо склонив голову, отчего непослушные кудряшки очаровательными пружинками упали на его горячие праведным гневом глаза — там зелень вскипала от боли, несправедливости, что с ним произошла, и смеха, что был адресо-

МОЙ ТАЙНЫЙ ВРАГ

ван Асе, которая все еще держала в руках «бедного Йорика». — Виноват.

Виноватым Котов не выглядел. Скорее, очень довольным, не считая полученной травмы. Он прокашлялся, посплав по коже Аси мурашки. И с фирменной усмешкой, запинаясь, произнес:

— Мне оставить вас? Я помешал вашему уединению с Йориком?

Дима привалился плечом к дверному косяку, страдальчески разглядывая ушибленную ногу. Ася была в шаге от того, чтобы приказать ему принять положение сидя, расшнуровать эти проклятые кеды, на которых шнурки вечно были завязаны на морские узлы, не меньше, и приложить этого самого Йорика к ушибу Котова. Если там, конечно, не перелом, иначе Йорик будет бессилен. А у Аси наверняка случится паническая атака.

Она и без того встревоженно, не дыша, оглядывала Диму. А в мыслях крутилось: «Я чуть его не убила». И пусть это было преувеличением, но сердце в груди все равно испуганно металось.

А что, если Дима теперь не сможет работать?

Ася часто-часто заморгала, держась из последних сил.

Они ведь теперь друг другу никто. Ей должно быть все равно. Пусть хоть эта нога у него отвалится.

— Волгина, серьезно, ты настолько в отчаянии?

Котов нахально выгнул бровь. Ася заметила это даже в полумраке коридора, и Дима показался ей до невозможности теплым. Загорелая кожа, на фоне которой форменная белоснежная рубашка едва ли не слепила глаза. Темные, шоколадные кудри, рассыпавшиеся в беспорядке по лбу отросшей челкой. Летняя зелень глаз, от которой, как обычно, перехватывало дыхание. Там, в радужках, танцевали искорки солнца, мерцала сама жизнь и про-

стиралось бескрайнее поле — в них хотелось упасть и забыться волшебным сном.

Стоило признать, что по меркам ледяной температуры в морозильнике Котов и правда был *теплым*. Остальное мозг разукрасил сам, вдохнув в воображаемый набросок яркие краски. То есть в полумрак, откуда выглядывал Дима с дразнящей золотой пылью в глазах. В теории. Ася помнила, какой у него бывал взгляд, когда он заставлял ее в самых нелепых ситуациях.

Да, она настолько **отчаялась**.

Голос Димы звучал где-то очень далеко. Будто под толщей воды, скованной слоем льда. Точно из самой глубины, куда даже солнце не могло пробиться. Холод давно жил у Аси под кожей. Ася так продрогла, что уже было плевать на то, что он застал ее сценку, пока разум искал выхода, спасения от страшных мыслей, утопая в сгущающемся мраке воспоминаний.

Она бросила на пол заледенелую рыбину, от которой онемели пальцы. В груди все забушевало, подобно начавшемуся урагану. На потрескавшихся губах расцвела шkodливая, немного сумасшедшая улыбка.

Пусть Дима ее ненавидел.

Пусть смотрел на нее, как на человека, разрушившего все между ними.

Пусть его слова ранили ее сердце.

Котов был *ее*. *Все еще был*.

Пока она сама будет так считать.

Давай же, Котов.

Убей. Коснись.

Ася сорвалась с места, оглушенная, невесомая, и со сбившимся дыханием врезалась в Диму. Обвила его ледяными руками, прижалась так, что жар его тела чуть не отбросил ее ударной волной. Щека врезалась в окаме-

МОЙ ТАЙНЫЙ ВРАГ

невшую от напряжения грудь. Смех застрял в грудной клетке.

И время замерло. Воздух зазвенел, все еще холодный, царапающий кожу. Дима, явно ничего подобного от нее не ожидавший, начал отступать, пока с глухим звуком не врезался в стену. Ася привычно провела пальцами по его позвонкам через тонкую ткань рубашки. Казалось, они оба не могли сделать вдох.

Где искать воздуха, когда все внутри раскалено до предела?

— Волгина, с каких пор ты бросаешься в мои объятия?

Дима обдал ее макушку хриплым, сорвавшимся шепотом. По коже вновь побежали мурашки. Ася закрыла глаза, отчитывая секунды.

Еще немного.

Ей нужен еще один вдох.

Еще одна искра тепла, что вспыхнет в сердце подобно спичке, брошенной в керосин.

— Одалживаю твоё тело, Котов, — так же тихо проговорила Ася, — ты довольно удобная грелка.

Грудь Димы неожиданно затряслась от беззвучного смеха, и Ася смущенно закашлялась.

— Волгина, только ты могла использовать мое тело... для этого. Тебе подсказать, что существует еще много более интересных способов?

— Например, целовать тебя?

Шепот растворился в густом полумраке. Сердце Аси пропустило удар, а взгляд невольно поднялся к его губам. И внутри обожгло. Уколело желанием.

Она хотела его поддразнить в этом образовавшемся между ними внезапном затишье. Но голос сорвался, и все прозвучало с иной интонацией.

Как просьба. Или потребность.

Это катастрофа.

Где тут поблизости телепорт на Марс? Срочно нужен!

— Что ты, я и не собирался конкурировать с той замороженной селедкой. Ты ей даже имя дала, у вас там явно все серьезно. Но вот «подай-принеси», пожалуйста.

Дима оторвал Асю от себя, взяв за обнаженные плечи. Ася оставила накидку на стуле в банкетном зале ресторана, когда вышла проветрить голову. Прикосновение вышло обжигающим. Ася вздрогнула. От зеленых озорных глаз не скрылась реакция ее тела. Тихая усмешка Димы разорвала наэлектризованную тишину.

Замечательно.

Прежде чем он успел вставить какую-нибудь жутко смущающую фразу, Ася выдохнула, запинаясь:

— К твоему сведению, я замерзла!

— А я ничего и не говорил, Волгина.

— Дрожь — естественная реакция организма на холод.

— Да ты что?

И перед тем, как отстраниться окончательно, Котов провел подушечками мозолистых пальцев вниз по ее плечам, заставляя волоски на руках от этого невыносимо нежного касания встать дыбом.

Вот же демон! Если каждодневный контакт и поддразнивание — она еще выдерживала, то после месячного затишья ее тело буквально вопило, когда Дима ее касался. И заткнуть его не выходило. Каждый нерв — накалированный провод.

— Ты... ты бьешься током.

Ася произнесла это так тихо, что голос поглотили удары собственного сердца. Оно там, в груди, разрывалось.

— А ты — лбом, — прошептал Дима, неожиданно ей улыбнувшись. — Что с тобой, Волгина? Как протаранила меня, думал, ребро ломаешь. Может, все же сломала? Потрогаешь?

МОЙ ТАЙНЫЙ ВРАГ

Дима, явно забавляясь над ней и этой ситуацией, окинул ее испытывающим взглядом, а затем также медленно, лениво прошелся пальцами по груди, остановившись на маленьких пуговках форменной рубашки. Горячий воздух застрял в горле. Но Ася, держась за последние крупницы ускользающего здравого смысла, закрыла лицо руками и пробормотала:

— О боже, нет, Котов, я не заказывала от тебя очередной стриптиз.

— О чем ты? — Дима наклонился к ней, его теплое дыхание коснулось ее краснеющего лица, а зеленые глаза потянули в свой омут. — Я всего лишь поправлял пуговицы на рубашке. Если тебе все равно на мою жизнь, и ты не будешь проводить осмотр моего тела на признаки повреждений, то хотя бы не показывай это так явно, принцесса.

Дима добродушно щелкнул ее по носу, у Аси все мысли рассыпались. В голове было приятно пусто.

Диму что, подменили? Он что-то задумал? Почему он с ней так любезен?

Подозрительно.

— Котов, ты что-то задумал?

— Зачем мне что-то задумывать, когда я нашел тебя запертой в морозилке, беседующей с рыбой, Ась? — Дима игриво подмигнул, качнул головой и, прихрамывая, с видом огромной занятости вернулся к ящику, который так немилосердно грохнулся ему на ногу. Подхватил его, поставил под дверь какую-то банку, что лежала рядом перевернутой, и зашел внутрь. — Ничего уже не сделает этот день лучше. Моей фантазии на такое не хватило бы.

— Твоей фантазии, Котов, хватило на то, чтобы подмешать в мой порошок черный краситель в прачечной под носом у горничных! И я потом две недели ходила, как дочь готов.

— Ничего не знаю, Волгина. Я просто хотел показать миру цвет твоей прогнившей, эгоистичной души. Как видишь, у меня была благородная миссия.

— Ты приклеил меня к стулу! Что на это скажешь? Хотел показать миру цвет моего нижнего белья, а заодно и всему «Лотосу», когда включилась пожарная сигнализация и я подорвалась с места, как белка, подхватившая бешенство? Кстати, не ты ли, часом, включил сигнализацию?

— Понятия не имею, о чем ты говоришь. Мне же не пять лет, чтобы таким заниматься, Волгина. Ты же у нас так хотела внимания. Может, сама и подарила кусок юбки стулу? Тебя же потом все жалели — это твое любимое.

Ася прошла за Димой обратно в морозильную комнату и отчетливо увидела его совершенно бесстрастное выражение «святоши», эту маску, за которой, как обычно, скрывались его демоны, что наверняка сейчас раскладывали в голове пасьянс или же мутили очередную схему «изодренной» мести.

После того как они бросили друг другу вызов, Дима отвечал ей своими методами. Что-то походило на розыгрыш, как, например, огромный игрушечный паук в ее рюкзаке, увидев которого Ася запрыгнула на стол и кричала на весь второй этаж. Что-то — на шалость, которая стоила ей гордости и репутации «принцессы».

Неделю назад он прошел через всю столовую, встал на одно колено и поцеловал ее руку, пожелав приятного аппетита на глазах у всей школы. Ору было куда больше, причем не от Аси, онемевшей от поступка бывшего друга. Так, у «принцессы» появился поклонник-хулиган, и внезапно в ее окружении стало гораздо меньше людей. Кто-то не верил, что их ничего не связывало, но Ася догадывалась, что с ней перестали общаться из-за того, что боялись Диму.

МОЙ ТАЙНЫЙ ВРАГ

— *Что ты творишь?* — проговорила Ася одними губами три дня назад, когда Дима подхватил ее рюкзак, взял ее под локоть и поволок в сторону класса с саркастичным и елейным: *«Позвольте вас сопроводить, ваше высочество, опасности на каждом шагу. Школьный мир жесток и непредсказуем. Не могу допустить, чтобы с вами что-то случилось».*

Этот его жест был до безобразия рисованным, фальшивым и дурашливым. Но у школьников от такого поворота после триумфальной сцены в столовой загорелись глаза, а уже к вечеру все соцсети заполонили новые сплетни.

Дима тогда равнодушно пожал плечами, сощурился и так же тихо произнес, только для нее одной, кривя губы в усмешке:

— *Все разрушаю. Нравится?*

Нет. Ей совершенно не нравилось. Но стоило этого ожидать.

Ася теперь жила с ощущением, что под ней пороховая бочка, которая могла в любой момент подорваться. Потому что, если эти глупые слухи долетят до мамы — всему придет конец. И их хрупкому сближению, и совместным ужинам, и репетициям, и маминой благосклонности.

Раньше Дима устраивал другие «сюрпризы». У них на юге редко выпадал снег, а Ася прочитала, что на первый снег можно загадать желание, и тогда оно обязательно исполнится. И они ждали этот самый заветный снег два года. И когда он в очередную зиму не пошел, Ася оказалась осыпана воздушными снежинками под самый Новый год в коридоре школы. Они были из бумаги, каждая осторожно и красиво вырезанная.

Ася тогда замерла, плененная этим маленьким чудом, ничего вокруг не замечая, а Дима прокричал ей с лестницы:

